

УДК 32

**НОРМАТИВНАЯ СИЛА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

© 2008 г.

*Е.Е. Мухина*

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

emuhina@sandy.ru

*Поступила в редакцию 01.07.2008*

Анализируется концепция нормативной мощи применительно к Европейскому союзу. В центре внимания автора – понятие нормативной силы и ее соотношение с другими компонентами могущества международных акторов; роль норм и ценностей в построении внешних отношений Европейского Союза; источники нормативной мощи ЕС, а также перспективы укрепления международного влияния Евросоюза за счет нормативного потенциала.

*Ключевые слова:* нормативная сила, внешняя политика ЕС, невоенные инструменты, европейская идентичность, защита норм и ценностей, конструктивизм.

**Определение нормативной силы**<sup>1</sup>. В последние годы широко распространенным стало утверждение о том, что Европейский союз (ЕС) является принципиально новым типом актора в мировой политике не только в связи с реализуемым в его рамках проектом интеграции, но и ввиду особенностей позиционирования ЕС в его отношениях с остальным миром. Эта тема приобрела популярность в 90-е гг., когда начался новый этап строительства «европейского дома», ознаменованный подписанием Маастрихтского договора и распространением его на страны Восточной Европы, и сегодня не теряет своей актуальности в связи с дебатами вокруг инициатив Евросоюза по урегулированию конфликтов и усилению европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО).

Наряду с признанием ЕС в качестве «гражданской силы» (civilian power Europe), опирающейся, прежде всего, на экономические, а не военные средства, широко обсуждается нормативная составляющая мощи Союза (normative power Europe), активно «продвигающего» признанные универсальными нормы и ценности, такие как права человека, демократия, устойчивое развитие и др.<sup>2</sup>

Понятие «гражданской силы Европы» было сформулировано еще в начале 1970-х гг. Франсуа Дюшеном вместе с идеей о том, что Европа может стать новым центром силы, в основе которого не военные, а гражданские средства обеспечения влияния<sup>3</sup>.

Термин «нормативная сила» применительно к внешней политике Евросоюза был впервые использован Ианом Маннерсом из Датского института международных исследований. По

его мнению, нормативная мощь не является ни военной, ни чисто экономической, но такой, которая создается через идеи и мнения, т.е. способной «формировать представления о «нормальном» [1]. Одновременно нормативная мощь не является противоположностью военной. Но чем больше распространение норм опирается на военную силу, тем труднее отличить нормативную мощь от традиционных форм обеспечения влияния, поскольку в этом случае она не поддерживается силой самих норм. Если нормы навязываются военным принуждением, то они вряд ли достигнут той цели, которую преследует нормативный подход, – изменить сложившуюся в той или иной стране культуру и систему ценностей, что возможно только в процессах социализации.

Таким образом, нормативная мощь характеризуется тем влиянием, которое она оказывает на то, что считается надлежащим другими субъектами.

Понимание этой идеи применительно к Евросоюзу неразрывно связано с проблематикой конструирования его международной идентичности [2]. Значительный вклад в изучение европейской идентичности и ее идейного компонента принадлежит исследованиям в рамках социального конструктивизма<sup>4</sup>.

Важным в рассмотрении нормативной мощи Европы с конструктивистских позиций является то, что основной акцент делается не на попытках ответить на вопрос, действительно ли ЕС обладает нормативной силой, а на объяснении того, что ЕС действует как нормативная мощь.

Близкой к концепции нормативной силы является упомянутая выше идея гражданской си-

лы, которая может трактоваться как одна из форм нормативной мощи в том, что в ее основе лежит особый вид норм (гражданских), а также в более общем смысле как мощь, отличная от военной. Различие между нормативной и гражданской силой происходит от отождествления с последней гражданских, а на практике – экономических инструментов осуществления мощи в терминах национальных интересов [3], тогда как нормативный подход в идеале предполагает формулирование интересов в духе космополитизма и универсализма.

Нормативная сила характеризуется значением нематериальных факторов и распространением норм через привлекательность и подражание. По мнению Иана Маннера, появление этой идеи обусловлено среди прочего стремлением уйти от связанного с концепцией гражданской мощи тезиса о «попытках Европы снова цивилизовать мир в духе неокOLONIALИЗМА» [4]. И наконец, подход к природе ЕС с нормативных позиций позволяет увидеть в ее основе приверженность универсальным принципам и нормам и готовность поставить их в центр отношений как с государствами-членами, так и с остальным миром.

Таким образом, уникальность Европейского союза как субъекта в мировой политике состоит именно в той важной роли, которую играет нормативная составляющая в формулировании и реализации внешнеполитических целей, а также в процессе формирования самой европейской идентичности.

**Защита ценностей и норм как направление внешней политики ЕС.** Как справедливо отмечают некоторые исследователи, Европейский союз не является первым в истории международным актором, который продвигает свои ценности в отношении других государств<sup>5</sup>. Однако отличительной особенностью ЕС является то, как реализуется нормативный потенциал.

В частности, отношения ЕС с другими странами в большей степени обусловлены общепризнанными / универсальными нормами, чем у других акторов. Одним из ключевых моментов в отношениях ЕС со своими партнерами является стремление закрепить приверженность общим ценностям со ссылкой на международные документы. Евросоюз также проводит активную политику, стимулирующую те или иные страны ратифицировать основные международные конвенции и соглашения. При этом важно, что государства – члены ЕС лидируют по числу взятых на себя обязательств в соответствии с ра-

тифицированными европейскими странами международными договорами.

По состоянию на 2005 год 25 стран – членов ЕС ратифицировали 29 из 30 основных международных документов, в числе которых 8 соглашений в рамках Международной организации труда, а также 9 договоров в области прав человека, 7 – гуманитарного права и 6 – защиты окружающей среды. В то же время США ратифицировали только 11 документов из этого списка<sup>6</sup>. В этой связи критика или санкции со стороны Евросоюза в отношении ряда стран, не присоединившихся или не соблюдающих международные договоры, представляется более легитимной, чем позиция США, оправдывающих свое вмешательство в дела других государств гуманитарными соображениями.

В качестве наиболее яркого подтверждения того, что ЕС обладает «нормативной мощью», исследователи чаще всего называют политику Союза в области защиты прав человека.

Уже в 1970 г., когда страны – члены Сообщества решили координировать свою внешнюю политику посредством Европейского политического сотрудничества (ЕПС), вопросы прав человека появились в повестке дня стран – членов ЕС. В Копенгагенской декларации о европейской идентичности 1973 г. было обозначено, что государства-члены «решили защищать принципы представительной демократии, верховенства закона, социальной справедливости и уважения прав человека» [5].

Единичные акции в поддержку прав человека приобрели большую последовательность после окончанием «холодной войны» и в связи с желанием стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) «воссоединиться с Европой» в смысле вступления в Сообщество и в НАТО. Тогда было принято решение использовать экономические и политические инструменты Сообщества, чтобы настаивать на соблюдении принципов демократии и прав человека, поскольку они больше не являлись инструментами биполярной конфронтации. В июне 1993 г. Европейским советом были выработаны некоторые политические критерии для вступления в Союз. Кандидаты должны были не только иметь функционирующую рыночную экономику, а также способность справляться с конкурентным давлением и рыночными силами внутри ЕС, но и достигнуть «стабильности институтов, обеспечивающих демократию, верховенство закона, права человека и уважение и защиту национальных меньшинств» [6].

Ранее, в июне 1991 г. Европейский совет в Люксембурге заявил, что «Европейское Сообще-

ство стремится к всеобщему соблюдению прав человека» и выражение озабоченности в связи с ситуацией в области прав человека и требования их уважать не могут считаться вмешательством во внутренние дела государства. Кроме того, Совет выразил намерение включать положения о правах человека в соглашения о сотрудничестве. В ноябре того же года страны-члены согласились, что соображения прав человека и демократии должны быть важным элементом отношений с развивающимися странами [7].

Изменения были четко зафиксированы в Маастрихтском договоре. Так «развивать и консолидировать демократию, верховенство права и уважение прав человека и его основных свобод» стало одной из целей Общей внешней политики и политики в области безопасности ЕС (ОВПБ).

Не рассматривая всю проблематику политики ЕС в области прав человека, отметим лишь, что в рамках Европейской инициативы в области демократии и прав человека (ЕИДПЧ) на сегодняшний день ЕС ежегодно выделяет около 130 млн евро на финансирование проектов в области защиты прав человека в 68 странах мира. Кроме того, ЕС активно использует инструмент политического диалога по правам человека, с помощью которого старается убедить партнеров в необходимости улучшения ситуации в области прав человека и тем самым вовлечь их в процесс социализации. Если ранее действия ЕС в основном были направлены на развивающиеся страны, то сейчас Евросоюз, помимо прочего, проводит регулярные консультации по данной проблематике с такими государствами, как США, Канада, Япония, Новая Зеландия. В частности, в рамках диалога с США поднимаются и такие вопросы, как нарушения прав человека в борьбе с терроризмом [8].

Еще одним примечательным моментом является так называемый «мейнстриминг» прав человека, реализуемый Евросоюзом с 2001 г. Под мейнстримингом в документах ЕС понимается учет последствий, которые могут иметь внешнеполитические решения для защиты и обеспечения прав человека при их подготовке, принятии и реализации, придание международной деятельности ЕС цельности и последовательности<sup>7</sup>.

В то же время права человека являются важным, но не единственным «кирпичиком» в здании «нормативной силы Европы». Также следует упомянуть усилия ЕС по продвижению демократии, надлежащего управления и верховенства права<sup>8</sup>. Мир, равенство, свобода и социальная солидарность тоже фигурируют в числе норм, о приверженности которым заявляет ЕС.

Нормативная составляющая в разной степени присутствует во всех сферах внешних отношений ЕС, будь то политика добрососедства, торговые переговоры, трансатлантическое сотрудничество или помощь в целях развития. Это находит отражение как в стремлении закрепить приверженность общим ценностям в двусторонних и многосторонних соглашениях, так и реализации программ сотрудничества и предоставления различных преференций в обмен на проведение странами-партнерами внутренних реформ с целью соответствия европейским стандартам.

ЕС критикует за недостаточную эффективность используемых инструментов для защиты универсальных норм и принципов, а также непоследовательность политики и применение двойных стандартов для разных стран в зависимости от их экономической значимости для членов Союза. При этом важно, что, проводя подобную политику в сочетании с другими мерами несилового характера, ЕС утверждает себя в качестве особого международного актора с высоким потенциалом привлекательности, предлагающего новые формы взаимодействия, основанные не только на общих материальных интересах, но на общих ценностях, представлениях и знаниях, который активно формирует эти идеи.

**Источники нормативной мощи ЕС.** Важно, что источником норм и принципов, распространяемых ЕС, является не только международное право, но и конституционные традиции стран ЕС, как это зафиксировано в Договоре о ЕС (ст. 6), а также прецедентное право Суда Сообществ. Закрепление общих принципов и норм, включая защиту прав и свобод человека, демократию, было необходимо для обеспечения верховенства права ЕС над законодательством государств-членов. Поэтому, несмотря на то что учредительные договоры Европейских сообществ отражали исключительно идею общего рынка и ограничивали интеграцию экономической областью, в процессе эволюции Сообществ стало понятно, что в конечном итоге экономическая интеграция должна была служить опорой устойчивого развития демократического общества в государствах-членах. Реализация прав человека и основных свобод является отражением и воплощением начал господства права, верховенства и эффективности закона, плюрализма и демократии. В то же время она выступает в качестве обязательного условия, без которого все эти понятия являются пустым звуком.

Поэтому интеграционные процессы, начавшиеся с объединения стран в экономической сфере, неизбежно привели к расширению области сотрудничества и созданию Европейского союза, который берет на себя обязательства содействовать экономическому и социальному прогрессу, обеспечивать устойчивое развитие и защищать европейские ценности как внутри Союза, так и на международной арене. При этом сочетание институциональных особенностей ЕС, принципов субсидиарности и наднациональности, а также признаков устройства по типу государства, дающее представление о ЕС как некоем политическом гибриде, не может не оказывать влияние на те модели, по которым строятся его отношения с остальным миром.

Европа предлагает принципиально новую кантианскую / институционально-идеалистическую логику взаимодействия как альтернативу традиционной модели, основанной на материальных силах и военном факторе, которая господствовала на протяжении столетий в гоббсовском реалистическом мире.

Европейский союз стал уникальным объединением в смысле накопления и передачи ценного опыта межгосударственного сотрудничества. Он представляет собой «невероятный по своему масштабу эксперимент по объединению национальных государств, ищущих прочную основу для согласования интересов и обеспечения согласия сразу в двадцати четырех областях политики» [9]. И, несмотря на все трудности, он работает. Поэтому нормативная мощь Европы покоится на последовательности и даже неразрывной связи между сущностью Европейского союза, его политической сутью и его поступками, его внешними действиями.

**Нормативные инструменты и узы.** Принцип последовательности требует, чтобы внешние отношения Европейского союза строились на тех же механизмах, что и взаимодействие внутри Союза: интеграция, предупреждение, посредничество и убеждение [9].

Подход ЕС к интеграции рынков через взаимное признание норм и правил является незыблемым атрибутом его внешнеторговой политики. Однако интеграция также означает оказание помощи более бедным регионам и странам для возмещения ущерба, связанного с приспособлением к общему рынку. Поэтому ЕС направляет финансовые средства и человеческие ресурсы на реализацию программ помощи в целях развития, технического содействия и структурных реформ и считает необходимым

решать различные социально-экономические и политические задачи, причем не только в своих пределах, но и за рубежом. Расширение ЕС основывается на сочетании избирательной помощи и многоуровневого партнерства с возможными новыми членами. Европейский союз стремится применять свою модель многоаспектной интеграции, в том числе в отношении с Россией (создание четырех общих пространств). Отношения со странами Средиземноморского региона строятся на тех же принципах, которые изложены в Копенгагенских критериях, применяемых к кандидатам на вступление в Союз [10]. Кроме того, он участвует в преференциальной торговле, которая имеет огромное политическое значение, – от Ломейских соглашений, постоянно продлеваемых с 1960-х годов, до своей последней инициативы в области свободной торговли с наименее развитыми странами «Все, кроме оружия».

Европейский союз стремится предотвращать конфликты. Невоенная составляющая оборонной политики ЕС – обеспечение правопорядка, господства права, гражданского управления и защиты граждан – представляет собой попытку искоренения глубинных причин внутренних конфликтов.

Репутация ЕС как гражданской, а не военной силы делает его посредником в миротворческом процессе. Эта репутация подкрепляется прозрачностью и открытостью используемых процедур и участием в процессе принятия решений неправительственных организаций<sup>9</sup>. Институтами ЕС определены новые подходы к процессам примирения в зонах конфликтов во многих раздираемых войнами обществах от Балкан до Центральной Америки и Африки посредством поддержки институтов гражданского общества, включая общественные и неправительственные организации.

Наконец, обладая культурой компромисса и дебатов, Европейский союз стремится координировать действия и использовать лучший опыт. Даже во внутренних делах он часто использует децентрализованные методы, а не принудительные нормы или предписания (процесс, известный как «открытый метод координации», сформулированный Европейским советом в Лиссабоне в 2000 г.). Во внешних делах этот принцип лежит в основе конструктивного участия.

К сожалению, императив сотрудничества во имя общих норм и ценностей сталкивается с противоположным трендом, когда ЕС рассматривается как остров «постмодерна», мир за пре-

делами которого еще преимущественно «модернистский» или даже «домодернистский». Роберт Купер, бывший генеральный директор офиса Высокого представителя ЕС по ОВПБ, в своей работе «Постмодернистское государство и мировой порядок» утверждает, что когда мы находимся в джунглях, мы должны действовать по законам джунглей. И «самодовольный пацифизм» представляет наибольшую опасность для сохранения и укрепления постмодернистского порядка и безопасности и лежащих в его основе ценностей [11]. В этой связи вопрос о необходимости укрепления военной силы является одним из наиболее обсуждаемых перспектив позиционирования ЕС в качестве глобального лидера.

**Милитаризация как вызов нормативной силе Европы.** Хотя растущее влияние Европы в мире не подвергается сомнению, не все исследователи считают справедливым отнесение ЕС к глобальным державам в связи с неспособностью применять военную силу. «Силой сверхбессильных» назвал Калипсо Николаидис феномен влияния ЕС в международных отношениях [9]. Однако в отличие от Роберта Кейгана, утверждающего в нашедшей работе «О рае и силе», что стремление ЕС укрепить свою невоенную силу обусловлено его несостоятельностью в качестве военной мощи [12], Николаидис развивает тезис о сознательном выборе Европы невоенных средств обеспечения влияния и, что еще важнее, укрепления легитимности той идеи, которую Европейский союз стремится претворить в жизнь. Разумеется, при этом Европа отдает отчет в том, что стала зоной мира благодаря военной мощи США.

При обсуждении инициатив ЕС в области ОПБО – создания сил быстрого реагирования, участия в управлении кризисами в Конго, Судане, Боснии и Герцеговине – часть исследователей воспринимает их как начало силового лидерства ЕС в противовес или в партнерстве с США, что может ослабить нормативную составляющую его влияния. Более справедливой представляется точка зрения, что ЕС стремится к альтернативному подходу в решении важнейших проблем международной безопасности, основываясь на имеющемся опыте преодоления противоречий между государствами – членами Союза, стратегии вовлечения и принципе взаимозависимости, и может эффективно дополнять действия США.

В то же время Брюсселю необходимо осознать опасность «символических ходов» по

милитаризации ЕС, когда создание европейской армии воспринимается как благо само по себе и как символ дальнейшего углубления интеграции. И поскольку устанавливать мир сложнее, чем вести войну, стратегически верный путь для ЕС – дальнейшая активизация усилий по предупреждению кризисов, а не усиление военной роли ЕС как политика «вселения оптимизма» – любой может бороться за пост «министра иностранных дел» ЕС, формируя многонациональное ополчение. Но при этом существует опасность забыть о реальном сопоставительном преимуществе Европы, в частности, нормативной и гражданской мощи. Даже частичное решение таких трудных задач, как укрепление связей с Турцией, повышение гибкости ЕС в нормализации израильско-палестинских отношений, создание многонациональных сил для принудительных инспекций оружия массового поражения, внесет значительно больший вклад в сохранение мира и безопасности<sup>10</sup>.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов об образе прошлого, которое, по мнению исследователей-конструктивистов, лежит в основе позиционирования ЕС как преимущественно нормативной силы [13]. Европейский союз определяет себя и свое будущее в противопоставлении со своей прошлой, раздираемой войнами историей. Эта логика была и продолжает оставаться легитимизирующей основой проекта европейской интеграции. Она создает идентичность новой послевоенной Европы, в которой мир и уважение демократических ценностей преобладают над силовой политикой. Она также демонстрирует всему миру необходимость извлекать правильные уроки из прошлого и учиться выработать новые подходы к мирному сосуществованию и развитию.

#### Примечания

1. Здесь и далее термины «мощь» и «сила» употребляются как синонимы, поскольку сложно найти полный эквивалент в русском языке термину «power» в контексте анализа международных отношений.

2. В данном случае под термином «мощь» подразумевается как особый вид актора – держава (подобно great power – великая держава), так и характеристика возможностей/способностей утверждать свои принципы и нормы в отношении других, и специфический инструмент достижения своих целей.

3. «Европа как целое вполне может стать первым историческим примером крупного центра равновесия сил, ставшего в эпоху его упадка не колонизированной жертвой, а образцом для подражания на

новом этапе развития политической цивилизации. В частности, Европейское экономическое сообщество может служить примером того, каким влиянием можно обладать благодаря серьезному политическому сотрудничеству, основанному на гражданских формах силы». См. [14].

4. Первой и самой значительной в этом направлении стала вышедшая в 2001 г. книга «Социальное конструирование Европы» коллектива авторов под редакцией Томаса Кристиансена, Кнуда Эрика Йоргенсена и Антье Винера. См. [15].

5. В частности, Томас Диц приводит в качестве примера США, политика которых в разные годы была в значительной мере обусловлена идейными соображениями, будь то знаменитые «14 пунктов Вудро Вильсона» или операция в Ираке 1990 г. См. [13].

6. Данные приводятся на основании Отчета о человеческом развитии (2005), подготовленного Программой развития ООН. См. [16].

7. Политико-правовым основанием мейнстриминга послужили одобрение Советом ЕС Сообщения Европейской комиссии о роли Европейского союза в продвижении прав человека и демократизации в третьих странах и принятые в его развитие Основные ориентиры ЕС о диалоге по правам человека.

8. Детально эти направления внешней политики ЕС проанализированы в главе 6 монографии Карен Смит «Внешняя политика ЕС в меняющемся мире». См. [17].

9. В качестве примера можно привести первый и второй Европейские конвенты, на которых разрабатывались сначала Хартия основных прав ЕС, а затем договор о Конституции ЕС.

10. Одним из сторонников идеи «разделения труда» между ЕС и США в решении проблем безопасности является американский исследователь Эндрю Моравчик.

#### *Список литературы*

1. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*. 2002. V. 40. № 2. P. 235–258.
2. Manners I., Whitman R. Towards Identifying the International Identity of the European Union: a Framework for Analysis of the EU's Network of Relations // *Journal of European Integration*. 1998. V. 21. № 2. P. 231–249.
3. Bull H. Civilian Power Europe: a Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*. 1982. V. 21. № 1–2. P. 149.
4. Manners I. Normative Power Europe: A Response to Thomas Diez // *Millennium – Journal of International Studies*. 2006. № 35. P. 167–180.
5. King T. Human Rights in European Foreign Policy: Success or Failure for Post-Modern Diplomacy? // *European Journal of International Law*. 1999. V. 10. № 2. P. 314.
6. Presidency Conclusions, Copenhagen European Council, 21 June 1993. URL: [http://www.europarl.eu.int/enlargement\\_new/europeancouncil/pdf/cop\\_en.pdf](http://www.europarl.eu.int/enlargement_new/europeancouncil/pdf/cop_en.pdf) (дата обращения 15.12.2007).
7. Resolution of the Council and of the Member States Meeting in the Council on Human Rights, Democracy and Development, 28 November 1991. URL: [http://europa.eu.int/comm/external\\_relations/human\\_rights/doc/cr28\\_11\\_91\\_en.pdf](http://europa.eu.int/comm/external_relations/human_rights/doc/cr28_11_91_en.pdf) (дата обращения 15.12.2007).
8. EU Annual Human Rights Report 2007. P. 21–24. URL: [http://ec.europa.eu/external\\_relations/human\\_rights/doc/report07\\_en.pdf](http://ec.europa.eu/external_relations/human_rights/doc/report07_en.pdf) (дата обращения 07.04.2008).
9. Nicolaidis K. The Power of the Superpowerless / Tod Lindberg (ed.) *Beyond Paradise and Power: Europe, America, and the Future of a Troubled Partnership*. New York: Routledge, 2004. P. 93–120.
10. Bicchi F. Our Size Fits All: Normative Power Europe and the Mediterranean // *Journal of European Public Policy*. 2006. V. 13. № 2. P. 286–303.
11. Cooper R. *The Postmodern State and the World Order*. London: Demos and the Foreign Policy Centre, 2000. P. 23, 34–35, 39.
12. Kagan R. *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*. N.Y.: Knopf, 2003. 112 p.
13. Diez T. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering Normative Power Europe // *Millennium – Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33. No 3. P. 613–636.
14. Duchene F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence // *A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community*. London: Macmillan, 1973. P. 19.
15. Christiansen T., Joergensen K.E., Wiener A. *The social construction of Europe*. London: Sage publications, 2001. 248 p.
16. UN Human Development report 2005. P. 320–327. URL: [http://hdr.undp.org/en/media/hdr05\\_complete.pdf](http://hdr.undp.org/en/media/hdr05_complete.pdf) (дата обращения 19.04.2008).
17. Smith K.E. *EU Foreign Policy in a Changing World*. Oxford: Polity Press, 2003. P. 96–144.
18. Moravcsik A. Striking a New Transatlantic Bargain // *Foreign Affairs*. 2003. V. 82. № 4. P. 74–89.
19. Hyde-Price A. Normative Power Europe: a Realist Critique // *Journal of European Public Policy*. 2006. V. 13. № 2. P. 217–234.
20. Manners I. Normative Power Europe Reconsidered: Beyond the Crossroads // *Journal of European Public Policy*. 2006. V. 13. № 2. P. 182–199.
21. Merlingen M. Everything Is Dangerous: A Critique of Normative Power Europe Security Dialogue. 2007. V. 38. № 4. 435–453.
22. Orbie J. Civilian Power Europe: Review of the Original and Current Debates // *Cooperation and Conflict*. 2006. V. 41. № 1. P. 123–128.
23. Scheipers S. and Sicurelli D. Normative Power Europe: A Credible Utopia? // *Journal of Common Market Studies*. 2007. V. 45. № 2. P. 435–457.
24. Youngs R. Normative Dynamics and Strategic Interests in the EU's External Identity // *Journal of Common Market Studies*. 2004. V. 42. № 2. P. 415–435.

**NORMATIVE POWER OF THE EUROPEAN UNION***E.E. Mukhina*

The article reviews the concept of normative power as applied to the European Union. The author focuses on the definition of normative power and its correlation with other components of international actors' power; the role of norms and values in external relations of the European Union; the sources of EU's normative power and the perspectives of strengthening of the EU's international influence due to the normative potential.